

Анатолий Павлович Смышников родился в 1954 году в городе Боброве Воронежской области. Профессиональный военный, в 1980-х годах служил в Афганистане. Литературным творчеством увлекается с молодости. Публиковался в журнале «Подъём», региональных изданиях и альманахах. Автор сборника стихотворений «Я брел дорогами вселенной» и других книг прозы и поэзии. Живет в городе Боброве Воронежской области.

Анатолий Смышников

НОЧНЫЕ ЗАПИСИ

* * *

Лесов синеющие дали
Дождей закрыла пелена.
Деревья сбросили медали
И золотые ордена.

А я назло проулкам гулким,
Не поддаваясь мятежу,
Свои достану из шкатулки
И на ладони разложу.

Звездой отсвечивая ало,
Сомкнувшись тесно, как в строю,
Светло и грустно горсть металла
Напомнит молодость мою.

* * *

Как часто в минуты бессонницы
Почудится в свете зарниц
То степью летящая конница,
То башни с рядами бойниц.

Порывами, зыбкими волнами
Из бездны небесной, извне —
Картины и лики безмолвные,
Вы кем посылаетесь мне?

Кто, тенью войдя неприметною,
Тревожа душевный покой,
Диктует мне строки заветные
И движет усталой рукой?

И Спас на божнице, и Троица.
Шагну к образам, помолюсь.
Что ждать, что еще мне откроется,
Чему я еще удивлюсь?

Созвездий движение плавное
Над светлой юдолью земной...
Еще не написано главное,
Не сказано главное мной.

* * *

Ходы имея потайные,
Во тьме сливаясь и кружа,
Вода, пронзив слои земные,
Чиста кристально и свежа.

И став рекой — большой ли, малой —
Едино все, как бог велит, —
Одним омоет лоб усталый,
Других от боли исцелит.

Стихи рождаются не скоро.
Дай отстояться, погоди.
Слова, очистившись от сора,
Прольются песней из груди.

И потечет она далече
Потоком чистым и благим.
Одним даря восторг от встречи
И грусть высокую — другим.

* * *

Сомнений нет, что знает каждый:
Процент счастливых — очень мал.
И нет людей, кто хоть однажды
Не лгал, не крал, не предавал.

Таков уж мир — солен и сладок.
В нем каждый чем-то, да прельщен.
Любовь имеем и достаток,
Успех, но хочется еще.

Нас искушение пытается,
Приманка жизни не нова...
И лишь полвздоха не хватает
На покаянные слова.

Казалось, муку не снесу.
И я крестил худые плечи,
Молил! В двенадцатом часу,
Утихла боль, и стало легче.

И крови выровнялся ток,
И я увидел над собою,
Не ненавистный потолок,
А небо ярко-голубое.

А Он пришел издалека,
Хоть я просил совсем немного...
У Бога легкая рука
И поступь легкая у Бога.

* * *

У меня на родине жук гудит в смородине.

Геннадий Русаков

Чернеют рощи и поля.
Похоже, сбрендила погода.
Плюс пять, начало февраля.
Вновь нулевое время года.

То сеет дождь, то снег летит.
Не к месту все и не во благо.
Подснежник вылез, жук гудит —
Теплу поверил, бедолага.

Сбой климатических щедрот
Вновь обернется майской стужей.
А мы без вишен третий год —
И без смородины к тому же.

Начать бы с чистого листа,
Чтоб здесь, в России, а не где-то,
Все снова встало на места:
Зимой — зима, а летом — лето.

Пока, как жук тот — дуралей,
Еще живу надеждой мнимой —
Все меньше родины моей —
Вчерашней, памятной, любимой!

ВОРОНЕЖСКОЕ ПИВО

Все те же спины рыбаков,
Рассвет церковным звоном вспорот,
И снег сквозь сито облаков
Привычно падает на город.

Для сердца милые места!
В эпоху дефицита пива
Вблизи Чернавского моста
Стояли люди терпеливо.

Вздымались пены буруны,
За всем следил парнишка шалый.
В пивной, в отличие от страны,
Царил порядок, пусть и малый.

Кто при деньгах, кто без гроша,
Все с трехлитровым «снаряженьем».
Но я к «столичным» алкашам
Питал большое уваженье.

Был молод я, и был здоров,
И на поездки не ленивым.
И, привезя бидон в Бобров,
Я наслаждался терпким пивом.

И не пойму я, хоть убей,
На шумной набережной стоя:
Все есть, и нет очередей,
А пиво... Пиво не такое!

УГЛЯНЕЦ

Листвы весенней нежный глянec
Березки в трепетном строю.
Чем ты запомнишься, Углянец,
Чем в память врежешься мою?

Не травяным лечебным зельем
И не углянческой водой —
А созерцательным бездельем
И массажисткой молодой.

Хотя глаза ее и руки
Сулили мне надежный шанс —
Я устоял, любовной скуке
Предпочитая преферанс.

Приют врачующихся пьяниц —
Тебя попробуй позабуди!
И я вернусь к тебе, Углянец,
Когда-нибудь, когда-нибудь...

Я в споре с временем ярился.
В ход шли массаж и куркума.
Но все ж с морщинами смирился,
Сочтя, что это от ума.

Я пил берез живые соки
И был гантелям верный друг.
От дум, подумалось, высоких
Ослабли зрение и слух.

И сохраняя стройность в теле,
Я в контрах жестких был с едой.
Да что ж такое, в самом деле:
Уж и с брюшком я, и седой.

Бодаться с силами природы —
Пустая блажь и маета...
Все это годы — наши годы,
Что отправляют нас в лета.

САЛЬЕРИ

Гляжу, глазам своим не веря,
Ночные записи кляня.
А за спиной стоит Сальери —
Старик, похожий на меня.

Я всякий раз сомненьем болен,
А он: «Какие пустяки!
Я всем написанным доволен
Пустым капризам вопреки».

И всякий раз, усевшись рядом,
Он с расторопностью былой
Убить готов — особым ядом:
Своею лживой похвалой.

Да, сладок яд — конец печален
Для нежных творческих сердец.
Ложь ослепляет нас в начале
И оглушает наконец.

Скажи, Сальери, правду смело,
Чтоб дух ее в строку проник.
Чтоб слово грозами гремело —
Ругай, ругай меня, старик!